

ский писал: «Национальный театр есть признак совершенствования нации, так же как академии, университеты, музеи. Иметь свой родной театр, гордиться им желает каждый народ, каждое племя, каждый язык»²⁵. И если крупные нации или уж во всяком случае их доминанта (наиболее компактно расселенные части) могут обеспечить самостоятельное функционирование учреждений культуры с целью ее трансмиссии, то, как давно показала практика, малочисленные этносы не в состоянии в полной мере выполнить этой роли.

Конечно, при этом надо иметь в виду, что такие оценки относительны. Некоторые, с нашей точки зрения, немногочисленные в масштабах нашей страны этносы не сформировались в нации, но еще меньшие зарубежные народы, создавая свою государственность, типологически являются нациями. Здесь определяющую роль играет государственный фактор: влияние государства на этнические процессы громадно, его нельзя недооценивать или преуменьшать²⁶.

Статья М. В. Крюкова, несомненно, способствует более углубленной разработке типологии этнических общностей, она верно акцентирует внимание на спорных проблемах и дает основание надеяться, что в дальнейшем, при решении многих других дискуссионных вопросов будет выработана наиболее приемлемая точка зрения по дискутируемому сюжету.

²⁵ *Островский А. Н.* Записка о положении драматического искусства в России в настоящее время.— В кн.: *Островский А. Н.* Собр. соч., т. 10. М.: Худож. лит., 1960, с. 183.

²⁶ *Решетов А. М., Чебоксаров Н. Н. В. И. Ленин о национальном развитии стран Востока.*— Сов. этнография, 1970, № 1, с. 83—98.

Ю. В. Бромлей

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ

Изучение этнического прошлого человечества несомненно имеет немалую познавательную значимость. Ведь, хотя смена социально-экономических формаций составляет суть всемирно-исторического процесса, многообразие его проявлений в значительной мере обусловлено этнической спецификой народов мира и воплощено в ней. Игнорируя это обстоятельство, невозможно получить адекватное представление о многих сторонах исторических явлений.

Особое значение, как известно, приобретает изучение современных этнических процессов. Интерес к ним неуклонно возрастает, что в немалой мере связано с так называемым этническим парадоксом современности. Он проявляется в том, что все большая интернационализация как материальной, так и духовной жизни народов мира сочетается с повсеместным ростом этнического самосознания.

Не случайно поэтому за последнее время в нашем отечественном общественном сознании (как, впрочем, и зарубежном)¹ существенно усилилось внимание к разработке этнической проблематики. И все же приходится констатировать, что в трактовке отдельных существенных вопросов теории этноса среди наших ученых далеко еще до полного единодушия. До сих пор в нашей литературе дает о себе знать представление об этносе как популяции². Но даже в рамках представления об этносе как безусловно социальном явлении имеются определенные расхождения, частично оставшиеся еще от дискуссий середины 1960-х — начала 1970-х годов,

¹ Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует последняя обзорная работа: *Табolina Т. В.* Этническая проблематика в современной американской науке. Критический обзор основных этносоциологических концепций. М., 1985.

² Последняя критическая работа по этому вопросу: *Чистов К. В., Машбиц Я. Г.* Еще раз к вопросу о двух концепциях этноса.— Изв. ВГО, 1986, № 1.

частично возникшие впоследствии. Поэтому проведение журналом дискуссии по теоретическим аспектам этнической проблематики можно лишь приветствовать. Но она, во-первых, не должна в силу указанных обстоятельств ограничиться лишь рассмотрением статьи М. В. Крюкова (тем более, что он сам уделяет столь значительное внимание своим предшественникам). Во-вторых, вряд ли было бы правильно сводить ее только к выделению отдельных исторических типов этнических общностей; ведь само это выделение прежде всего зависит от трактовки сути таких общностей.

К сожалению, М. В. Крюков в обсуждаемой статье не дает собственного определения этноса, этнической общности. Но судя по косвенным свидетельствам, он имеет в виду этнос в узком значении этого слова, т. е. общность людей, выделяемую на основании собственно этнических свойств. Об этом, в частности, говорит его одобрительное отношение к мнению, согласно которому общность экономической жизни не является признаком этноса (№ 3, с. 64).

Главный пафос статьи М. В. Крюкова направлен против употребления одного и того же термина «народность» для обозначения этносов четырех различных социально-экономических формаций, что действительно создает немало неудобств. При этом в целом народность характеризуется им как отдельный, единый тип этнической общности, а народности, относящиеся к отдельным социально-экономическим формациям, как его подтипы (№ 3, с. 65). В то же время М. В. Крюков фактически оставляет в тени тот факт, что на самом деле в распространенной в нашей литературе типологизации чаще всего речь идет в одних случаях о народностях как о двух «формационных» типах этнических общностей (рабовладельческой и феодальной народностях), в других — о народностях как о двух подтипах этнических общностей определенной формационной принадлежности (буржуазной и социалистической народностях). При этом он считает действительно необходимым отказаться от термина «нации и народности СССР» и употреблять типологически нейтральное словосочетание «народы Советского Союза» (№ 3, с. 63)³. Но ведь это означало бы, что к каждому этносу СССР (и, разумеется, других стран) следовало бы применять термин «народ». Но, как известно, это «нейтральное» слово в единственном числе чрезвычайно многозначно, что, в частности, и послужило одной из причин введения в научный обиход этнической терминологии. Кстати сказать, вряд ли оправдано применение к термину «социалистическая народность» эпитетов «искусственность и схоластичность» (№ 3, с. 62).

Что же новое предлагает М. В. Крюков взамен? К удивлению, многократно сетуя по поводу многозначности термина народность, он не предлагает собственного оригинального рецепта рассечения этого гордиева узла. На его взгляд, в формационном плане такую возможность представляет схема, предложенная В. И. Козловым⁴. Она, по словам М. В. Крюкова, «не только первая в нашей науке типология этносов, в которой не на словах, а на деле формационный критерий последовательно выдержан во всех ее звеньях, но и пока единственная схема, удовлетворяющая строгим требованиям научного типологического анализа» (№ 3, с. 65). Такая характеристика заставляет пристальней присмотреться к предложению В. И. Козлова, тем более что оно, насколько нам известно, не было еще предметом сколько-нибудь обстоятельного критического анализа. Напомним в этой связи прежде всего конкретное содержание точки зрения В. И. Козлова. Она сводится к тому, чтобы, учитывая формационный принцип выделения типов этнических общностей, называть «их соответственно: „этнос с первобытнообщинной структурой“, „этнос с рабовладельческой структурой“ и далее — феодальной, капита-

³ Более удачным представляется употребление в данной связи формулы «национальности СССР».

⁴ Кстати, неизбежно возникает вопрос: если уже есть удовлетворительное предложение разубить этот «гордиев узел», то в чем смысл упомянутых сетований?

листической и социалистической структурой, или сокращенно — ЭПС, ЭРС, ЭФС, ЭКС, ЭСС»⁵. Все выглядит весьма ясным и четким. Но только на первый взгляд. Дело в том, что В. И. Козлов, подобно М. В. Крюкову, термину «этнос» придает узкое значение, не считая его обязательными признаками не только экономическую, но и фактически территориальную общность. Первую, характеризуя этносы, он в рассматриваемой работе вообще не упоминает. Вторую хотя и относит к элементам этнических общностей, однако при рассмотрении таких общностей далеко не всегда принимает во внимание. В частности, он отмечает, что при территориальном разобщении членов этнической общности она продолжает существовать, «пока у них сохраняется этническое самосознание... специфические рудименты культуры и традиций и т. п.»⁶. Более того, он сам признает, что понимание им этнической общности близко к понятию «этни-кос»⁷, предложенному нами еще в начале 1970-х годов для обозначения этноса в узком значении слова. Но при подобном понимании этноса в качестве такового будут, например, выступать (независимо от государственно-территориальной принадлежности) *все* азербайджанцы (проживающие как в СССР, так и в Иране), *все* таджики (в СССР, Иране, Афганистане), *все* корейцы (в КНДР и в Южной Корее), *все* немцы (в том числе и в ФРГ, и в ГДР) и т. д. Между тем совершенно очевидно, что ни в одном из этих случаев к этносам, взятым в целом, не может быть отнесена однозначная «формационная» характеристика. Например, если мы будем говорить об азербайджанском этносе с социалистической социальной структурой, то «неучтенной» окажется большая часть азербайджанской этнической общности в узком значении слова (этникос). Разумеется, аналогичным образом будет обстоять и со всеми другими приведенными для примера этносами. Более того, поскольку подавляющее большинство этнических общностей — этникосов (во всяком случае, в наше время) имеют хотя бы небольшие «осколки» в государствах, принадлежащих к разным социально-экономическим системам, постольку вообще приложение однозначных «формационных» характеристик к такого рода общностям в целом, как правило, далеко не корректно.

Иное дело, когда идет речь об основной части этнической общности (этникоса), расположенной в пределах одного государственного (потестарного) образования, т. е. социального организма, представляющего собой основную единицу всемирно-исторического процесса. Нетрудно заметить, что в подобных случаях имеется в виду общность, названная нами этносоциальным организмом (сокращенно — ЭСО)⁸. Такая общность обладает единой территорией (в рамках одной потестарной единицы) и наличием основных характерных для нее классов (в отличие, например, от каст), т. е. социально-экономической целостностью определенных формационных параметров. Последнее обстоятельство и дает основание для того, чтобы считать каждое ЭСО принадлежащим к той или иной социально-экономической формации. Соответственно при историко-стадиальной типологизации ЭСО выделяются их формационные типы. В этой связи в нашей обществоведческой литературе, как известно, принято сейчас выделять три термина: племя, народность, нация. При этом каждый из двух последних терминов в своем основном значении «прилагается» к ЭСО двух социально-экономических формаций: народность — к ЭСО рабовладельческого и феодального⁹, нация — к ЭСО капиталистического и социалистического общества. Такое «двухформационное» использование этих терминов не лишено определенных оснований. Так, для наций —

⁵ Козлов В. И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса). — В кн.: Исследования по общей этнографии. М., 1979, с. 15.

⁶ См. Там же, с. 9.

⁷ См. Там же, с. 14.

⁸ См. Бромлей Ю. В. Этнос и этносоциальный организм. — Вестн. АН СССР, 1970, № 8.

⁹ Нелишне, на наш взгляд, напомнить и о том, что речь идет в данном случае об ЭСО тех двух типов общественного строя, которые К. Маркс в одной из своих последних работ объединил в одну «вторичную формацию», основанную «на рабстве и крепостничестве» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. т. 19, с. 419).

ЭСО как капиталистического, так и социалистического обществ характерно наличие относительно развитой «своей» промышленности, сравнительно интенсивных экономических связей, промышленного рабочего класса, а также, как правило, общелитературного языка. Вообще, как справедливо отмечает М. В. Крюков, уже начало капиталистической стадии в истории человечества характеризуется активизацией этничности, усилением этнического самосознания (№ 3, с. 68).

Для народностей — ЭСО рабовладельческого и феодального обществ — типично как раз отсутствие основных из этих черт. В частности, для них характерно почти полное господство аграрной экономики и слабое территориальное разделение труда. Впрочем, подобные этносоциальные общности встречаются и в условиях капитализма и даже социализма. В таких общностях не занятые в промышленности составляют подавляющее большинство населения (90% и более). Это и дает определенные основания для распространения термина «народность» также на отдельные этнические общности такого рода обществ, а соответственно употребления понятий «буржуазные народности» и «социалистические народности» (разумеется, применяя их с соблюдением указанных критериев и не изыскивая в таком несоблюдении основание для «отмены» данных терминов¹⁰). Но при этом, конечно, основным типом ЭСО при капитализме и социализме является нация; иначе говоря, народности в данном случае — это всего лишь «дополнительная» разновидность ЭСО, отнюдь не определяющая (в отличие от нации) этносоциальный облик капиталистического и социалистического обществ. Некоторым аналогом рассматриваемой ситуации может служить различное использование тех или иных производственных отношений для характеристики общественного строя. Так, при условии их господства они выступают в качестве типологического формационного признака (например, феодальные производственные отношения, когда они доминируют, определяют принадлежность данного общества к феодальной социально-экономической формации). В случае же, когда они всего лишь дополняют основные производственные отношения, перед нами всего лишь «уклад» (например, феодальный уклад в капиталистическом обществе). Одним словом, хотя с точки зрения формальной логики может быть и допустимо все четыре разновидности «народностей» (рабовладельческую, феодальную, буржуазную и социалистическую) рассматривать как «равноправные» подтипы общего понятия «народность», однако в действительности речь идет о неравнозначных категориях: в одних случаях о типах ЭСО (рабовладельческой и феодальной народностях), а в других — только о «дополнительных» этносоциальных образованиях, не представляющих основной тип ЭСО капиталистического и социалистического обществ.

М. В. Крюков выражает удивление, что буржуазные и социалистические народности нами не причисляются ни к ЭСО, ни к просто этникосам (№ 3, с. 60—61). На этом основании он делает вывод, что для такого рода народностей оказывается недостаточным даже введенное нами противопоставление двух значений понятия «этнос» (№ 3, с. 61). В подтверждение М. В. Крюков ссылается на стр. 297 нашей работы «Очерки теории этноса». Однако при этом он «не заметил», что в строке, следующей за цитируемым им текстом сказано: «такие народности представляют собой... этносоциальные общности». Иначе говоря, буржуазные и социалистические народности в действительности относятся нами к той разновидности этносоциальных общностей, которые не обладают достаточными параметрами, необходимыми для ЭСО. Но это, вместе с тем, значит, что категория «народность» в рассматриваемом случае отнюдь не выпадает из деления этносов на две основные разновидности: этникосы и этносоциальные общности.

¹⁰ Подобно этому то обстоятельство, что не все при написании тех или иных текстов соблюдают правила грамматики языка, на котором они пишут, не может служить основанием для заключения о непригодности таковой.

Все сказанное отнюдь не значит, что не следует совершенствовать принятую в нашем обществоведении историко-стадиальную типологизацию этнических общностей. Необходимость этого отмечалась уже не раз в печати (в том числе и автором этих строк). В частности, справедливо говорилось о неудобствах, связанных с тем, что основные этнические подразделения рабовладельческого и феодального обществ обозначаются одним и тем же термином. Более того, как известно, С. А. Токарев предпринял попытку терминологически разграничить этносы рабовладельческой и феодальной социально-экономической формаций, предложив обозначить первый тип этнических общностей термином «демос»¹¹. На наш взгляд, это предложение, однако, «представляется не вполне удачным, ибо за словом „демос“ в науке фактически закрепилось другое значение — народонаселение страны, что получило хотя и косвенное, но вполне отчетливое выражение в наименовании специальной дисциплины — демографии»¹². Однако, по мнению М. В. Крюкова, «в данном случае оппонент проявляет чрезмерную строгость, поскольку в этнографической литературе термин „демос“ в этом значении практически не употребляется» (№ 3, с. 64). Действительно, термин «демос» в нашей литературе прямо не используется в значении «народонаселение». Но очевидно и другое: вряд ли будет корректным называть объект одной науки термином, используемым в качестве основного корня в наименовании другой дисциплины (например, называть объект лимнологии «океаном»). В нашем случае обозначение одного из объектов этнографии словом «демос» невольно создает впечатление, что в действительности это объект другой дисциплины — демографии.

Наряду с С. А. Токаревым своеобразную попытку терминологического разграничения этносов рабовладельческой и феодальной формаций предпринял, как уже говорилось, В. И. Козлов, предложивший выделять «этнос с рабовладельческой структурой» и «этнос с феодальной структурой». При этом он считает, что «для обозначения выделенных типов этнических общностей, видимо, нецелесообразно применять „собственные“ гермины»¹³. Оставляя в данном случае в стороне вопрос о таком членении этносов в узком значении слова (об этом речь уже шла выше), представляется излишним заметить, что в отличие от естественных наук в обществоведении аббревиатуры, как правило, приживаются с большим трудом. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно для разграничения этнических общностей рабовладельческой и феодальной формаций попытаться вслед за С. А. Токаревым ввести новые нарицательные («собственные») имена, однако не для одного из типов этих общностей, а для обоих. Разумеется, в силу указанных выше причин речь должна идти не вообще об этносах и тем более не об этносах в узком значении слова, а об этносоциальных организмах. Можно, например, используя древнегреческий язык, предложить для обозначения этносоциальных организмов рабовладельческой социально-экономической формации термин «палеос» (от др. греч. *palais* — «древний»), а для ЭСО феодальной формации — термин «мезос» (от др. греч. *mesos* — «средний») ¹⁴. Соответственно для этника рабовладельческой социально-экономической формации использовать термин «палеокос» (по аналогии с этникосом), а для этника феодальной формации — «мезокос» (по той же аналогии). Разумеется, это лишь некоторые из практически бесчисленных возможных вариантов использования нарицательных наименований для обозначения ЭСО и этникосов рабовладельческой и феодальной формаций (взамен одного термина «на-

¹¹ Токарев С. А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии). — *Вопр. философии*, 1964, № 11, с. 52.

¹² Бромлей Ю. В. *Этнос и этнография*. М., 1973, с. 137.

¹³ Козлов В. И. *Указ. раб.*, с. 15.

¹⁴ Или же в более пространной форме «палеоэтнос» и «мезоэтнос» (соответственно «палеоэтникос» и «мезоэтникос»).

родность»¹⁵. Войдут ли данные предложения в научный обиход — покажет время.

Что касается наблюдений автора обсуждаемой статьи над «исторической эволюцией этнического самосознания», то, действительно, имеют место изменения «относительной значимости его компонентов» (№ 3, с. 68). В частности, по нашим наблюдениям, представления об общности происхождения членов этноса приобретают особое значение на ранних и на поздних этапах этнической истории человечества. Это связано, видимо, с относительной ограниченностью объективных этнодифференцирующих черт на данных этапах: на первом еще формирующихся, на последнем уже ослабленных. В результате создается некоторая «размытость» этнического автостереотипа, слабость которого компенсируется за счет другой составляющей этнического самосознания — представления об общности происхождения, активность которого существенно возрастает. Однако конкретное содержание представления об общности происхождения на разных этапах этнической истории, разумеется, далеко не одинаково: на ранних — это представление о родстве всех членов этноса (в том числе и мифическом), на поздних — представление об общности их исторических судеб (начиная с этногенеза).

Постулируя существование «этностагнирующих» факторов, М. В. Крюков пытается наметить основные этапы этнической истории. В частности, привлекает внимание его тезис, что «наступление эпохи феодализма сопровождается активизацией действия факторов, отрицательно сказывающихся на процессах развития этнических отношений» (№ 3, с. 67). Следует, однако, иметь в виду, что процесс этот далеко не прямолинеен и не однозначен. Показательно, например, что на стадии раннего феодализма, как свидетельствуют специальные исследования, этническое самосознание обычно было весьма отчетливо выраженным¹⁶. В этой связи нельзя не коснуться и встречающегося в нашей литературе утверждения, будто в средние века вообще весьма значительная часть населения была безэтничной, а сама феодальная эпоха довольно неопределенной в этническом отношении¹⁷. В подтверждение данного тезиса обычно ссылаются прежде всего на нередкие для средневековья случаи выдвижения на передний план религиозного самосознания людей. Действительно, это явление имело место. Но значит ли оно, что такие люди полностью безэтничны? Думается, что нет. Ведь человеческое самосознание весьма многопланово, и в той или иной ситуации на передний план выступают различные его компоненты. В частности, доминирование сознания религиозной принадлежности у той или иной группы населения отнюдь еще не значит, что у членов такой группы вообще отсутствовали представления об их принадлежности к иным культурным общностям, в том числе этническим в узком значении слова. В действительности, как правило, такие представления в латентной форме существовали; только для их актуализации нужна была соответствующая ситуация. Так, в период турецкого господства в Юго-Восточной Европе и болгары, и сербы, и греки именовали себя «православными», что отражало их противопоставление в первую очередь мусульманам-туркам. Однако при взаимоотношении между собой болгары, сербы и греки четко различали друг друга, опираясь прежде всего на языковые особенности, а также на представления о бы-

¹⁵ Можно, например, попытаться произвести соответствующие термины и на основе латыни. В таком случае представляется возможным, в частности, предложить для ЭСО рабовладельческой социально-экономической формации термин «вечия» (от лат. *vetus* — «старый» + окончание «ция» по аналогии со словом «нация», а для ЭСО феодальной формации — термин «мечия» (от лат. *medium* + «ция»).

¹⁶ См. *Шервуд Е. А.* Некоторые особенности этнических процессов у германских племен в период разложения первобытнообщинных отношений (к становлению этнического самосознания англосаксов VI—IX вв.). — В кн.: Проблемы романизации, этногенеза и городского устройства (от античности к средневековью). М., 1977, с. 137—192; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

¹⁷ См. *Козлов В. И.* Динамика численности народов. М., 1969, с. 62—64.

лой политической самостоятельности¹⁸. Следует учитывать и иерархичность этнических общностей, а соответственно и этнического самосознания. Это очень наглядно проявляется в условиях характерной для феодализма многоступенчатости политической структуры. При этом представляется существенным отметить, что конфессиональная общность людей часто в той или иной степени сопряжена с общностью их отдельных культурных черт, т. е. по существу является этноконфессиональной.

Необходимо также иметь в виду, что далеко не всегда интенсивность этнического самосознания зависит от внутреннего социального единства соответствующего этноса, в том числе от такого «этностагнирующего» фактора, как сословное или кастовое деление общества. Дело в том, что для «актуализации» этнического самосознания нередко большее значение, нежели внутриэтнические, имеют факторы межэтнические, прежде всего характер межэтнических взаимоотношений. Показательно, например, что, несмотря на кастовое деление, тамилы Шри Ланки в силу конфликтного характера взаимоотношений с сингалами имеют весьма напряженное этническое самосознание, существенно заслоняющее самосознание классовое¹⁹.

В связи с предпринятой в обсуждаемой статье попыткой увязать этапы этнической истории с различными проявлениями этнического самосознания представляется также важным подчеркнуть, что на протяжении всемирной истории значимость не только этнического самосознания, но и всех остальных компонентов и свойств этноса не оставалась неизменной. Это, например, полностью относится к этнической роли коммуникативных функций культуры, что достаточно убедительно было показано в свое время в известной статье С. А. Арутюнова и Н. Н. Чебоксарова²⁰.

Весьма важны стадийные различия также в осуществлении функций этнической интеграции у социально-потестарных (политических) составляющих этносоциальных общностей. На начальных стадиях этносоциальной истории (при позднем первобытнообщинном строе и в докапиталистических классовых обществах) основная роль в объединении членов таких общностей принадлежит потестарным (политическим) институтам, иначе говоря, общеплеменным, а позднее общегосударственным органам власти; при этом потестарные (политические) связи явно преобладают над связями экономическими, которые (особенно в условиях феодализма) имеют преимущественно локальный, «земляческий» характер. С возникновением капитализма роль экономического фактора в интеграции основных этносоциальных подразделений — наций, как известно, резко усиливается, становится определяющей, однако государственно-политическое единство, включая и территориальное, не только сохраняет, но и упрочивает свою объединяющую функцию. При социализме в силу коренной особенности социально-классовой структуры общества экономические и государственно-политические факторы интеграции нации утрачивают свой антагонистический характер, и соответственно их значимость в данном отношении возрастает. В целом же в ходе этнической истории человечества центр тяжести в выполнении интегрирующих функций для этносоциальных образований все более перемещается из собственно этнической в социально-политическую сферу, а на стадии наций — в первую очередь в экономическую, постепенно все более дополняемую средствами массовой информации.

Конечно, все эти факторы нельзя не учитывать при периодизации этнической истории человечества. Но при выделении основных исторических типов этнических общностей, представляющих целостные системы, в качестве главных критериев, очевидно, должны служить не любые при-

¹⁸ См. *Иванова Э. А.* Формирование и развитие национального самосознания болгар эпохи национального Возрождения (до 70-х гг. XIX в.): Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: МГУ, 1985.

¹⁹ См. *Талмуд Э. Д.* Национальные процессы в Шри Ланке в 60—70-х годах. — В кн.: *Национальные проблемы современного Востока*. М., 1977, с. 115—143.

²⁰ См. *Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н.* Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества. — *Расы и народы*, 2, 1972.

знаки такого рода систем (как это имеет место при классификации), а лишь их фундаментальные свойства. И если речь идет об историко-стадиальной (формационной) типологизации этнических общностей, то, как уже говорилось, таким критерием выступают их социально-экономические параметры. Напомним при этом, что в данном случае имеются в виду не любые этнические образования, а только этносоциальные организмы. Историческая динамика собственно этнических общностей отличается рядом существенных особенностей. Это связано прежде всего с тем, что во всей совокупности общественных явлений социально-экономические отличаются наибольшей подвижностью, а этнокультурные, напротив, характеризуются устойчивостью. В силу этого скачки в собственно этнических процессах далеко не полностью совпадают с «разрывами постепенности» в социально-экономической истории, а соответственно и со скачками в развитии этносоциальных систем. Впрочем, видимо, преобладающими все же являются случаи возникновения новых этносов в периоды смены социально-экономических формаций. Так, большинство ныне существующих палеогенетических этносов сложилось в периоды становления раннеклассовых обществ (например, армяне, венгры, поляки, хорваты, чехи, шотландцы и т. д.). Современные неогенетические этносы в основном сформировались в переходные эпохи — становления капитализма (например, англоканадцы, бразильцы, итальянцы, мексиканцы, североамериканцы, французы и т. д.) и социализма (алтайцы, хакасы и т. д.).

М. В. Крюков

ГЛАВНОЙ ЗАДАЧЕЙ ПО-ПРЕЖНЕМУ ОСТАЕТСЯ ПРОНИКНОВЕНИЕ В СУЩНОСТЬ ЭТНИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Когда древнекитайского философа Конфуция спросили, в чем заключается человеческое знание, он ответил: «В умении сказать „не знаю“ о неизвестном». К сожалению, и тысячелетия спустя ученые зачастую забывают об этом и пользуются понятиями и терминами, о содержании которых могут судить лишь весьма приблизительно. Представляется, что и в такой фундаментальной области этнографической науки, какой является теория этноса, давно приспела пора на время остановиться и попытаться отделить накопленные нами позитивные знания от того, чего мы вопреки своим субъективным ощущениям по существу еще не знаем.

Наглядным примером словесных клише, прочно вошедших в наш научный лексикон, но остающихся так до конца и не понятыми нами, может служить небезызвестная типологическая триада «племя — народность — нация». На страницах советских этнографических исследований она встречается столь часто, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Иногда даже понятие «этнос» выводится у нас путем анализа того общего, что характерно для «племени», «народности» и «нации»¹. Между тем одним из существенных результатов прошедшей на страницах журнала «Советская этнография» дискуссии об исторической типологии этнических общностей было как раз то, что она вновь со всей недвусмысленностью продемонстрировала: однозначного толкования трех указанных понятий в современной советской этнографии вообще не существует.

Разумеется, как и всякая схема, более или менее прочно вошедшая в научный обиход, триада эта имеет свою историю. Вполне уместным по этому представляется мне предпринятый В. И. Козловым экскурс в те не столь отдаленные времена, когда мнимая незыблемость трехчленной

¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 45.